

дамский  детектив

Наталья
[ВОЛОДИНА]

ПОСЛЕДНЯЯ
ПЕСНЬ ТРУБАДУРА



Наталия Володина

Последняя песнь трубадура

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=424962
Последняя песнь трубадура: Эксмо; М.; 2008
ISBN 978-5-699-27889-3

Аннотация

Тамара Синельникова, четыре года живущая в психиатрической больнице, не теряет надежды выбраться из заточения. На этот кошмар женщину обрекла ее единственная дочь. Главной ошибкой завистливой и недалекой дурнушки Виктории стало слепое поклонение перед мужем-красавцем. Тамара быстро разобралась в характере зятя – скрытого насильника, афериста и убийцы. А тот по достоинству оценил проницательность тещи и упрятал родственницу в психушку, лишив тем самым свободы, доброго имени, квартиры. Но справедливость существует. Синельниковой приходят на помощь люди, давно желающие покончить с обнаглевшим от собственной неуязвимости бандитом...

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	15
ГЛАВА 3	24
ГЛАВА 4	33
ГЛАВА 5	44
ГЛАВА 6	56
ГЛАВА 7	66
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Наталия Володина

Последняя песнь трубадура

ГЛАВА 1

Звонок в дверь разбудил молодую женщину, спавшую на диване. Она открыла глаза, тяжело поднялась и, натыкаясь на разбросанные по комнате вещи, сумки, задевая пустые и полные бутылки, пробралась к трюмо. Короткие волосы торчали во все стороны, блузка расстегнулась, юбка сбилась. Женщина потянулась за расческой, приблизила лицо к зеркалу и с отвращением отшатнулась. «Тьфу, все на морде».

– Иду, – хрипло крикнула женщина и, не спеша, открыла дверь.

На площадке стояли два парня. Один – очень худой, расхлябанный, с большими глазами и мокрым носом. Другой – статный, загорелый, с волной волос над невысоким лбом. Волос необыкновенных – густых и послушных, чуть волнистых, редкого, по-настоящему пшеничного оттенка.

– Приветик, Ирка, – сказал дохлый. – Это Валек. В узких кругах – Блондин... Где у нас Жорик? – продолжал он, разглядывая бутылки на полу. – Жорика у нас нет. И, стало быть, нет причин не расслабиться на троих.

Ирка мрачно смотрела на гостей. Взяли моду. Каждый

дверь ногой открывает.

– Эй ты, Васька, придурок, не хватай тут ничего своими лапами. – Она посмотрела на второго и резко подобрела.

– А блондинчик ничего. – Ирка попыталась изобразить кокетливую улыбку.

Через пять минут все трое мирно пили за столом.

– Ира, заныл Вася. – Ну дай, а? Ну за встречу. Ну в долг. Женщина приблизила красное потное лицо с блестящими глазами к Блондину.

– А ты? Ну че? Кайф хочешь словить?

Она плюхнулась на пол и вытащила из-под серванта обувную коробку.

А потом они вдруг остались вдвоем – Ира и Блондин. Она придвинула к нему подносик с белым порошком.

– Нюхаешь? Или вмажешь?

– Муж скоро придет? – абсолютно трезвым голосом спросил мужчина.

– А тебе не все равно? – тупо удивилась Ирка.

– Не хами, – прозвучало в ответ ровно и как-то очень презрительно. Это дошло до ее замученного мозга.

– Ты че, козел? – завопила она. – Я его принимаю тут...

Она вскочила со стула и оказалась плотно прижатой к нему. Как из тумана на нее смотрело грозно красивое лицо с волной пшеничных волос.

– Ты че? Ты это, что ли? – забормотала она уже расслабленно, почувствовав его твердую руку на затылке.

— Да, — сказал мужчина и одним отработанным движением сломал ей шею. Хрустнули позвонки, а она не успела даже вскрикнуть.

* * *

Вечером началась гроза. Молния сверкала совсем рядом, за окном. Собака дрожала и скулила. Дина задвинула шторы, зажгла в обеих комнатах настольные лампы. Это беспокойство. Ничего конкретного. Просто, как опытная жертва, она чувствовала: к ней опять подкрадывается жестокая ночь. Она взбила подушки, встряхнула одеяло. Достала в кухне из холодильника минеральную воду. Две таблетки снотворного. Дина опустилась на колени перед Топазом, поцеловала в нос и пошептала ласковые слова на ушко. Затем вышла на застекленный балкон и, несмотря на ливень, приоткрыла окно. Что-то в этом есть. Дождь уже пахнет летом. Многие любят непогоду. Оттеняет домашний уют. На свете не было более домашнего человека, чем Дина. Все, что ей сейчас нужно, — это рыжая собака, красивый абажур, стопка книг на тумбочке. Но сегодня ничто не спасет от надвигающейся ночи. Дина будет убегать в сон от воспоминаний, разрывающих грудь, и просыпаться от кошмаров. Еще две таблетки. Отвар ромашки. Ложку меда и стакан теплого молока. Еще мертвому припарка, и можно ложиться спать.

Топаз устроился рядом, как всегда, плотно прижавшись к

спине. Баю-бай, дорогой.

Ей снилось, как кто-то душил незнакомую женщину. Не видно ее лица. Какие-то военные закрывали на замок клетку с людьми. А потом она во сне почувствовала, что надвигается самое страшное, то, что случилось. И заставила себя проснуться. Лежала неподвижно в темноте и шептала себе, как привыкла за время своего затворничества.

Я все забыла. Я ничего не помню. Я ни о чем не думаю.

Утро было ясным, теплым, умытым. Дина погуляла с Топиком, приготовила кофе по своему рецепту: полторы ложки «Нескафе Голд», ложку сахара и чашка горячего, не разбавленного водой молока. Достала из хлебницы ржаную лепешку. Завтрак чемпионов. Ей кофе с лепешкой. Ему миску сырой печенки. Теперь можно поспать набело. Дина скользнула в ночную рубашку, с которой рассталась два часа назад. И тут, конечно, затрещал телефон.

– Але, Галя, дорогая, давай потом. Мне нужно поспать часок. Да ты что? Seriously?

– Еще как серьезно, – рыдала подруга. – Она пришла полчаса назад. Не ночевала! Пьяная вдупель. Ругалась матом.

– И часто она «вдупель»?

– Каждый день. Точнее, ночь. Я вчера ее устроила на работу. К нам в институт. Ну не директором же. Посуду мыть в столовой. Она сбежала оттуда через час. Вот сейчас вернулась домой. И с порога: «Сама мой эти сраные тарелки».

– Подожди. Не реви так. А что там у тебя за шум?

– Это не шум! Это Наташка храпит!

– О господи! Слушай, я подумаю и тебе позвоню.

Дина задумчиво положила трубку. Семь лет назад незамужняя подруга Галя удочерила девочку из детдома. Ей было десять лет, Наташке, ласковой и прилипчивой, как котенок. И вот, пожалуйста. «Вдупель». Собственно, ничего страшного. Сейчас Наташка дома, и ей хорошо: она храпит. Галя о ней беспокоится. А мы ложимся спать. Дина залезла под одеяло. Положила рядом три новых романа. Пролистала по очереди, хватая по фразе. «Эльза шла по подиуму». «Эмма застегнула на шее бриллиантовое кольцо». «Натали замерла под светом софитов». Черт! Вот оно, решение. Кому действительно сейчас понравятся сраные тарелки? Особенность демографической ситуации состоит в том, что вместо людей женского пола на подмостки жизни вышли потенциальные модели. И среди них полно страхолюдин, которые рядом с Наташкой и постоять не имеют права.

Дина быстро набрала Галин номер.

– Это я. Есть. Звони в модельные агентства. У них там наборы, кастинги или что-то в этом роде. Объявления ищи.

* * *

Галя осторожно приблизилась к храпящей дочке. С отвращением принялась. Чем от нее несет, кроме перегара? На-

ташка спала в одних трусиках, не очень чистых. На бедрах какие-то подтеки. Может, ее изнасиловали? Человек десять? Найду и убью всех.

Галя вспомнила, как впервые привела ребенка в дом. Сняла с нее и бросила у порога заскорузлое от грязи платье. И обнаружила, что все тело девочки покрыто какой-то коркой. Не бывает же у детей такой кожи. Волосы слипшиеся, и в них явно кто-то живет. Галя почувствовала жуткий протест. И сразу сообразила, что нужно делать. Она смазала Наташкины волосы керосином, натерла ее всю подсолнечным маслом, велела час посидеть на клеенке, а потом на несколько часов замочила ее в горячей ванне. Девочка немного посопротивлялась, но когда Галя пригрозила ее утопить, смирилась и задремала на подсунутой под голову подушечке. Потом был бурный процесс отмывания. Выбившись из сил, вся взмокшая, Галя бросила Наташке полотенце, а сама вывалилась на кухню. Она капала в рюмку валокордин, когда на пороге появилась обнаженная девочка, розовая, изящная, как фарфоровая статуэтка, вся в стружках мокрых пепельных волос, обрамлявших идеальное личико. Галя ахнула, закутала девочку в халат и поклялась, что никогда не даст ее в обиду.

Воспоминание укрепило ослабевшую за это утро любовь. Громко заголосив, Галя упала на грудь спящей Наташки, стараясь, впрочем, особенно не внюхиваться.

– Доченька родная, что с тобой сделали?

Наташка широко открыла голубые глаза:

– Ты что, спятила? Перестань меня душить! – Сильно лягнув Галю грязной ногой, повернулась лицом к спинке дивана. Сонно пробормотала: «Больная баба», – и сладко всхрапнула.

* * *

Сергей Кольцов, частный детектив и по совместительству фотохудожник, проводил утро в своем офисе. Таковым была крошечная комната в аварийном доме на Цветном бульваре. За стенкой – мастерская друга и профессионального фотографа Олега. Свой самостоятельный бизнес оба начали два месяца назад и, как могли, помогали друг другу. Олег оставил работу телеоператора, Сергей пятнадцать лет проработал следователем Генеральной прокуратуры. Посетителей в это утро не было, что не являлось исключением из правил. И потому частный детектив задумчиво рассматривал разложенные на столе снимки. Олег делился с ним заказами: портреты богатых дам, портфолио моделей, снимки для рекламы. Сергей делал это вполне профессионально. Но удавалось ему другое. Он умел ловить счастливую случайность. Интересный ракурс, мимолетное прелестное выражение, испуг, радость, смущение, безмятежное бесстыдство. Такие снимки брали на выставки, они побеждали на конкурсах. Больше всего наград было у портрета «Девушка у реки», опубликованного в нескольких престижных зарубежных журналах. Но

в последнее время Сергею не везло. Или просто было неохота искать особые мгновения. Достали суровые будни. Дело не в количестве работы, а в качестве. Оправдывая лицензию частного детектива и поддерживая финансовую мощь предприятия, Сергей, как последний мудака, добывал «свидетельства неверности супругов», как это называлось в его объявлениях. Иногда брался получать долги. Конечно, даже это лучше, чем биться о стену коррупции прокуратуры. Но о вдохновении речи быть не может. К тому же дома... Так сразу и не сформулируешь, что не так дома. Жена Лариса. Провинциальная девушка – цветок, пересаженная им на столичную почву.

* * *

Тамара прижала горячий лоб к оконному стеклу. Попробовала зажать уши ладонями. Но и так слышала пронзительный вопль из первой палаты. Почему она не привыкла? Почему сжимается, как от боли, и начинает задыхаться? Потому что невозможно привыкнуть к такой процедуре. Шесть санитарок и медсестер раздевают догола рыдающую женщину, привязывают руки и ноги к спинкам кровати какими-то чулками, которых здесь почему-то в избытке. И под услужливый хохот фавориток на лицо, тело и кровать жертвы льют холодную воду из ведра для мойки полов. Они даже термин придумали, эти идиотки: «на вязки». Им пользуются да-

же врачи в воспитательных целях. Тамаре «вязками» только угрожали в первые месяцы. Потом поняли: не тот случай. Она умела посмотреть властно и спокойно. Она умела встать и выйти, как королева. Тамара, умница, доктор философских наук, четыре года живущая в психушке № 51. Все, что она выучила, прочитала, узнала о жизни, в настоящее время свелось к одному выводу. Когда жизнь останавливается, человек необязательно умирает. Только если у него получится. Никто не знает, как может выглядеть твой главный шанс. Ее шанс напомнил о себе тупой, тянущей болью внизу живота. Скоро наступит момент, когда они не смогут больше держать ее за этими решетками.

Тамара добрела до туалета. Там, у четырех открытых унитазов, курили несколько счастливых обладательниц сигарет. Вокруг них плотным кружком стояли охотницы за «бычками». Тамара протиснулась к умывальнику и сняла трусики, на которых расплылось бурое пятно. Долго отмывала его под краном. Затем спокойно вошла в палату.

– Тamarочка, ты где была, в туалете? – спросила Лиля Новожилова, доверчиво глядя своими светлыми, абсолютно безумными глазами. – А ты не видела там моего папу?

– Видела, Лиля. Привет он тебе передал.

* * *

В дверь деликатно постучали. Сергей быстро смахнул в

ящик стола фотографии и сделал умное лицо.

– Войдите.

Открыв дверь, женщина неуверенно сказала с порога:

– Я хотела бы видеть частного детектива.

– Вам повезло. Слушаю вас внимательно.

– Понимаете, мне нужен не столько детектив, сколько умный и добрый человек.

– Не знаю, может, вам и повезло.

* * *

Дина тяжело вздохнула и напечатала название рубрики: «Дорогая Нина». Она писала ответы на письма для дешевой желтоватой газеты.

Часто сочиняла и сами письма. Дело муторное, но только оно давало возможность ни с кем не контактировать в редакции. Оставляла секретарю готовые тексты на три полосы, брала новые письма, получала в бухгалтерии сумму прописью и отправлялась в магазин за печенкой для Топика. Килограмма на 3–4 денег хватало. Раз в неделю.

Итак, что же вы накروпали, нацарапали своей «дорогой Нине»? Она прочитала с пяток писем. Ребята сегодня не в форме. Можно ли давить прыщи? Почему мужчины не такие романтичные, как женщины? Хорошо ли это, получать большую зарплату? Дураков всегда оказывается больше, чем хотелось бы. Нет, нельзя идти на поводу. За ответы на такие

вопросы фиг нам дадут, а не деньги на печенку. И она решительно напечатала первую пришедшую в голову фразу: «Я два года скрываю свою страсть». Так, подумаем, к кому же автор письма может скрывать свою страсть? К мужу сестры? К сестре жены, к теще, свекрови, тестю, свекру? К бокру, дядьке Черномору, старухе Шапокляк?

«Мастерство берет свое», – удовлетворенно подумала Дина через час, сунув в папку шесть машинописных страниц.

Перед тем как уснуть под чудесное сопение собаки, Дина в деталях представила себе белую виллу, прогретые солнцем ступени, спускающиеся прямо в море, горячий золотистый песок. И во сне она легко плыла в прозрачной воде, а кто-то махал ей рукой с террасы.

ГЛАВА 2

Блондин посмотрел на часы. Без пяти двенадцать. Он в графике. Поднял тело с пола и положил на диван лицом вниз. Случайный человек и не поймет, что Ирина мертва. Затем взял свой стакан и сунул в карман куртки. У двери прислушался: нет ли кого на площадке. Бесшумно вышел, спустился по ступеням и исчез в темноте.

* * *

...Александра арестовали дома часов в девять вечера, когда он собирался с беременной женой на прогулку. Он не сопротивлялся. Наоборот, хотел побыстрее попасть в милицию – разобраться, в чем недоразумение. Его заперли в пустой комнате на несколько часов. В двенадцать вошел участковый и предложил стакан с небольшим количеством водки.

– Я не хочу, – удивился он.

– Пей. Мы там с ребятами... Тебе еще долго ждать. – Саша выпил. Через пятнадцать минут участковый явился с человеком в штатском, который представился следователем.

– Объясните, пожалуйста, в чем дело, – начал Александр.

– Обязательно, – прервал следователь. – Мы только кое-что уточним. Вам придется снять ботинки. Не беспокойтесь.

Формальность. Вернем через полчаса.

Ботинки действительно швырнули через час. За ними ввалился уже совсем пьяный участковый.

– Влип ты, майор. Обвиняешься в убийстве. Любовницу свою замочил.

* * *

Галя вела Наташу на кастинг в модельное агентство «Суперстар». Та не выпалась и плелась, как бурлак по Волге. Но выглядела здорово. Галя вечером раз пять вымыла с шампунем ее роскошные, длинные волосы, зверски терла мочалкой нежную кожу на лице и шее. Затем намазала дорогим кремом. Мокрые волосы заплела в косички, чтобы с утра легли волнами. Утром Наташа, как миленькая, десять минут чистила зубы, умывалась горячей и холодной водой. Когда у нее освободился рот, изрекла: «Это становится у тебя манией». А Маша, соседка по коммуналке, злорадно проворчала: «Все равно на рогах приползет». Они дружно ее проигнорировали и приступили к самому главному. К облачению в новое платье. Его привезла знакомая из Турции для себя, но ее убивал слишком яркий голубой цвет, а Наташку он, мягко говоря, не убил. Наряд как будто придуман именно для нее. Рукав фонарик, круглый кружевной воротничок такого же цвета, как платье, и что-то типа кружевного передничка вшито в юбку. А сзади – спина, открытая до поясницы. Чистая Ло-

лита. И выглядит в свои семнадцать от силы на пятнадцать. Немного туши на пушистые ресницы, капелька серо-голубых теней и розовая перламутровая помада. Кукла Барби, скажи мне «мама». Нет, лучше не открывай рот, потому что голос у куклы, как у немолодой торговки семечками, – грубый и хриплый, а интонации хамские. Жестокая это штука – гены. Биологическая мамашка растаяла как дым, когда девочке года не было, а семейными особенностями наградила.

От метро «Парк культуры» до агентства нужно было идти минут пятнадцать. Но уже через несколько метров они увидели длиннющую пеструю очередь. Уходящие вверх ноги в таком количестве были похожи на что угодно, только не на части тела.

Наташка оторопела. Вцепилась в Галину руку и беспомощно на нее посмотрела.

– Ёб... – сказала она, – тут же блядей хуева туча.

* * *

Лариса Кольцова лежала с закрытыми глазами, прислушивалась, как собирается на работу муж, и каждый звук вызывал в ней волну раздражения. В последнее время это стало ее доминирующей реакцией на все, что происходило вокруг. Кажется, совсем недавно они с Сергеем радовались как дураки, купив эту новую двухкомнатную квартиру. Ну с ним все ясно. А она... Неужели она не видела тогда, что это –

жалкая конура для нищих и неудачников? Лучше на вокзале пересидеть, пока появятся эти чертовы деньги. А с какой радости они вообще появятся? Он ушел из прокуратуры. Хорошо. Там мало платили. Но он отдавал эти копейки ей, а не оставлял их на развитие следственных органов. Сейчас у него не зарплата, а гонорары, которые нужно пускать на развитие дела. На занюханное агентство, весь штат которого – один получивший пинок под зад прокурор. Лариса могла бы ему сказать, что деньги платят не за работу, а человеку. Люди не ошибаются. Они знают, кому заплатить, а кто перебьется. Она могла бы ему объяснить это, но не стоит усилий. Потому что он с каждым днем становится все более упертым ослом.

Ларису раздражала работа. Потому что из ведущей самостоятельной программы ее из зависти перевели в программу большой шишки на ровном месте Его Величества Стражников. Он в часовом эфире дает ей пять минут – новости прочитать. Она, кажется, стала ненавидеть приятельниц. За наряды, украшения, отпуск на Канарах. Самое ужасное заключается в том, что ее постоянно плохое настроение все замечают. На днях редактор Светка Орлова к чему-то сказала, что ее муж – самый модный в Москве психоаналитик. Звезды к нему в очередь записываются. Психоаналитик! Фельдшер из «дурки», который открыл частную практику с большим успехом, чем муж Ларисы. Собственно, можно попробовать.

Лариса поняла, что давно уже находится в квартире одна. Скотина. Не мог попрощаться, сказать, когда придет. Ты меня целовал, уходя на работу. Да пошел...

Ей ужасно не понравилось отражение в зеркале. Мешки, подбородок и щеки дряблые. Пластического хирурга мы себе не позволим, а в косметический салон не съездить просто нельзя. Но только не туда, где все свои. Может, на Ленинградский проспект? Там такой маленький уютный закуток. И массажист. Интересный там массажист. Коренастый, очень смуглый, с ежиком жестких волос и светло-зелеными глазами. Вызывающе яркий парень.

* * *

Сергей задумчиво курил за своим столом. Через полчаса придет вчерашняя посетительница. Он должен ей сказать, берется ли за это дело. За это тяжелое даже для целого следственного отдела расследование с оплатой в кредит. С успеха. Уходя на вольные хлеба, он советовался с опытными людьми. «Прежде всего возьми себе за правило, – сказал один бывший важняк, – никакой благотворительности. Никаких услуг знакомым и доверия хорошим людям, попавшим в беду. У нас все в беде. И прежде всего ты сам, пока у тебя нет приличного счета в банке». Сергей понимал, что это правда. Но к нему обратились не за одолжением. Просто в порядке исключения – деньги после победы. Разве ему

победа нужна меньше, чем деньги? Это ж такая история, такая схватка. С одной стороны, одинокая, замученная баба, с другой – вся сволочная, продажная система.

* * *

Тамару разбудил зычный вопль: «Подъем!» Зачем так орать в начале седьмого у палат, где все просыпаются от стука форточки? Сегодня, кажется, что-то случилось. К ним приближается топот и гогот. Точно: врываются в палату скульптурной группой из четырех бабищ – две медсестры, санитарка и сестра-хозяйка. Радостные, как будто им медали выдали.

– Просыпайся, Тамара, – заливается румяная Валя. – У вас тут опять бесплатный концерт! Новожилова три куска хлеба в м-ду засунула. Боятся теперь, что они в желудок пройдут, и завтрак не влезет.

– Новожилова! – захлопотали они у кровати Лили, – готовься. Будем операцию проводить.

Молодец Лилия. Находит достойные дела для достойной команды. Тамара собрала в пакет свои «банные» принадлежности и отправилась в туалет. Там она захватила один из двух умывальников, включила сильную струю холодной воды и тщательно вымылась – сначала до пояса, затем до колен, потом по очереди задрала ноги в раковину. Человек пять, стоя у стены с полотенцами, внимательно наблюдали за процеду-

рой.

– Тамарка, – добродушно сказала толстая Рая, – а чего ты жопой в раковину не сядешь?

Ответа не требовалось. Рая, в восторге от своего остроумия, заколыхалась всем мягким телом.

Из туалета Тамара перешла в коридор, на пяточок у телевизора.

Усложненная гимнастика по полной программе. Это зрелище собирало больше зрителей. Тамара, мастер спорта по спортивной гимнастике, не разрешала своим мышцам слабеть и атрофироваться в обстановке душной апатии, коллективной депрессии, под воздействием угнетающих мозг и чувства препаратов. Ее тело – зрелой, сильной, тренированной женщины – за четыре года нисколько не изменилось. Завтрак прошел, как обычно. Тамара отдала свой кусочек сливочного масла толстой Зине, к которой каждый день приходила мама с пирожками, а та опустила в карман халата очередное письмо, которое мать Зины отправит очередному адресату. Так Тамара отправляла «на волю» свои заявления все четыре года.

После завтрака Тамара ходила спортивным шагом по узкому коридору, стараясь отвлекаться от боли. И вдруг услышала громкий крик медсестры: «Синельникова! К тебе пришли». У Тамары замерло сердце. Она, как в тумане, смотрела на лицо незнакомой женщины и, как сквозь вату, слышала:

– Меня зовут Валентина Петровна. Я из Комиссии по

гражданским правам. Вашим письмом мы занимаемся довольно давно. Извините, что я смогла встретиться с вами только сегодня. Мы знаем, вам нужна операция. На днях вас переведут в клинику по нашему заявлению. Остальные обстоятельства вашего дела рассматриваются. Мы даже обратились к частному детективу.

Слез давно не было. Тамара лишь почувствовала, как спрятанный в ней огонь обжигает глаза.

* * *

Ричард Штайн, один из самых богатых и могущественных людей на земле, вышел из бассейна на вилле в Сан-Тропе и, не вытираясь, опустился в шезлонг. Он отдыхал, стараясь ни о чем не думать.

Но мозг привычно сопротивлялся состоянию покоя. Еще утром Ричард побывал в офисе своей фирмы в Париже: собрал менеджеров, разработчиков новых проектов, ответственных за рекламную поддержку. Он сообщил им об открытии сети новых ювелирных салонов экстра-класса.

— Это будут магазины не для элиты. Это магазины для людей, которые с высоты своего положения замечают элиту не больше, чем песок на пляже. Для людей, чья прислуга носит украшения от Картье. И вот вам символ, эмблема, талисман и название наших магазинов.

Ричард вынул из ящика стола золотистую парчовую ко-

робочку и открыл ее. На белой бархатной подушечке таинственно и празднично мерцал крупный черный бриллиант. Этот камень он привез с собой. Он не был самым большим из тщательно подобранной для него коллекции черных бриллиантов. Но он выделялся, бросался в глаза. Необыкновенный, живой луч в этом камне завораживал и пленял. За все полвека своей жизни Ричард еще никогда не влюблялся так страстно и восхищенно в какой-то камень, вещь. Да что там вещь, он и в людей так сроду не влюблялся. Ричард накинул белый шелковый халат, подошел к белой, прогретой солнцем вилле, хотел подняться на террасу, но передумал. Спустился по горячим мраморным ступеням прямо к морю, волна поцеловала ступни. Он прошел немного по прозрачной воде и вдруг резко оглянулся. Ему показалось, что кто-то зовет его с террасы. Ему только показалось.

ГЛАВА 3

Блондин вошел в свою квартиру в двадцать минут первого. Соседка Маша еще возилась на кухне. Черт, дура беспокойная.

– Привет, Мурка! Че не спишь? Опять мужик шляется? А я с ребятами засиделся, чуть на метро не опоздал. И, представляешь, уже у дома вспомнил, что сумку с продуктами забыл у друга. Так что он может позвонить. Ты позови, если спать не ляжешь.

Он вошел в свою комнату, лег, не раздеваясь, на диван и закрыл глаза. К телефону его позвали через пятнадцать минут.

– Все путем. Адрес помнишь? Через полчаса будь там. Посмотри, чтоб сигнализация сработала.

– Ясно. – Перед тем как положить трубку, Блондин громко произнес в сторону двери соседки: – Толян, ты че, серьезно? Прямо в шесть утра? Так я сейчас и заскочу. Все ж таки жратва на неделю.

В час он стоял у дома в тупике и смотрел на темные окна квартиры на первом этаже. Здесь. Вошел в подъезд, потрогал легонько дверь одной из квартир и поддал бедром. Замок выскочил, как арбузная семечка. Блондин оглянулся, вошел, вытащил из старого шкафа какую-то одежду, бросил на пол. Посмотрел в тумбочке. Под скатертью лежало несколько ку-

пюр. Рублей триста. Сунул в карман.

Мебель вся, что ли? Ох, телевизор. Придется в эту самую скатерть и завернуть. Что там на кухне? Где лохи прячут свои великие ценности? В кастрюлях. Таковых нет. Но есть холодильник и в нем почти полная бутылка водки. О! Сверток в морозилке. В тряпочке дешевая ерунда то ли из золота, то ли просто желтая. Кажется, полный набор. Только что-то никакая сигнализация не мигает. Блондин вернулся в прихожую и громко хлопнул входной дверью. Сработало. Расслабимся же перед дорогой... Через пять минут к дому подъехала патрульная машина. Четыре милиционера с автоматами ворвались в квартиру на первом этаже. Они обнаружили две набитые вещами сумки, телевизор, завернутый в скатерть, и грабителя со стаканом в руке.

– Взяли с поличным, – отрапортовал сержант по рации. – Руки вверх! Лицом к стене! Раздвинуть ноги! Вы задерживаетесь по обвинению в грабеже неприкосновенного жилища.

Был третий час ночи, когда Блондина после составления протокола повели в камеру. Вдруг открылась дверь одного из кабинетов. Два нетрезвых мента вытолкнули в коридор широкоплечего парня с разбитым в кровь лицом.

– Давай, майор. Ты у нас еще права покачать успеешь.

Блондин встретился взглядом с Александром. В одних глазах был холод и высокомерие убийцы, в других – потрясение и мука человека, чья жизнь загублена.

– Бедняга, – пробормотал сквозь зубы Блондин, никогда

и никого не жалевший.

* * *

Галя второе утро подряд тащила Наташку в модельное агентство. Вчера до нее очередь не дошла.

– Ты найдешь свою очередь?

– Господи! Че искать-то. Там такая кочерга стояла, я ночью вздрагивала. Да вот она. Бусы повесила на свои кости. Мам, мне еще долго. Мороженое, мам. «Семейное», за двадцать рублей. Клубнично-шоколадное.

– Да ты что, – возмутилась Галя. – На кого ты потом будешь похожа! У тебя же платье. И помада.

– Не купишь, я этой дылде все платье порву, такого хренового цвета.

Через несколько минут Галя принесла полкилограмма мороженого в фольге.

– Доченька, я пошла. Умоляю, води себя, как... ну ты понимаешь. Да, чуть не забыла. Если ты пролетишь тут, может, сходишь по объявлению. Видишь, салону красоты требуется хозяйка помещения, правда, в скобках сказано «уборка». Ну и что, для начала. А место хорошее. Ленинградский проспект. И потом, все-таки салон красоты. Всегда будешь хорошо выглядеть...

– И долго ты мне такое хорошее место искала? – Наташа равнодушно сунула бумажку в карман. – Слушай, а ты вооб-

ще не можешь еще о ком-нибудь позаботиться? Меня ты достала. Ну хотя бы тем козлом занималась, с которым у тебя свидание.

– С чего ты взяла, что он козел? Даже я его еще не видела.

– Голос, как у козла. Не доведут тебя до добра эти объявления.

И Наташка помахала Гале, довольная тем, что последнее слово осталось за ней.

* * *

Сергей открыл сейф и обозрел наличность. Три бумажки по сто долларов и две по пятьдесят. А расходы предстоят большие. Нужно собрать такой материал, чтобы суду стало ясно. Это не просто преступление против личности и человеческой жизни, которое было совершено четыре года назад. Это преступление, которое продолжается уже четыре года. Которое будет продолжаться до смерти жертвы, если не наказать виновников. Если не вернуть ей все то, что должно ей принадлежать. Включая компенсацию за подорванное здоровье. Нужно убедить суд, что речь идет об особой жестокости и цинизме. Ибо жертва – мать, а преступница – дочь. А если оставить для суда красивые слова и пафос, ему, Сергею, прежде всего нужны бабки для взяток чиновникам за каждую бумажку и оплату свидетельских показаний. Правдивых показаний!

Пока им не заплатили за ложные. Как назло, ни одного срочного заказа. Нет гонораров на подходе и нет снимков, которые можно было бы хорошо продать. А нужен-то всего один снимок, но такой, как «Девушка у реки». То, что он за него получил, стало самой крупной суммой в его жизни. Но дело было не только в его мастерстве. И Сергей набрал номер телефона.

– Але, – заговорил он дурашливым голосом. – Это питомник одной собаки? Вас беспокоит общество укушенных вкладчиков.

– Вы ошиблись, – ответил ему мягкий женский голос. – Это ветеринарная помощь взбесившимся частным детективам. Чего тебе, Сережа?

– Мне встретиться. И не рассказывай мне про режим своего Бобика, Дин. Я к вам пристроюсь. Хвост буду нести.

– Давай завтра. Подъезжай в десять в наш сквер. Узнаешь нас по рыжему окрасу.

– Спасибо тебе, девушка у реки.

Дина положила трубку и встретила обеспокоенный взгляд Топаза.

– Ничего страшного, моя детка-конфетка. Я с Топиком. Мы дома. К нам никто не придет. Мы только посмотрим, сколько у нас денег.

Дина выдвинула ящик столика под зеркалом. Пятьдесят долларов и двести рублей. Это критическая сумма. Это значит, нужно искать работу. «Дорогая Нина» их не прокормит.

За квартиру, свет, телефон уже висят долги. Противно, конечно. Но все-таки хорошо, что нет постоянной службы, постоянных коллег и дела, которое делаешь не за деньги, а потому, что это твое дело.

На нем крест. На жизни, длиной двадцать шесть лет, – крест.

Дина не хотела жить после того, что случилось два года назад.

Стало быть, сейчас она – не совсем она. Или совсем не она. Та, блестящая, известная, не догадывалась, что можно зарабатывать деньги, вынося горшки за больными. Что можно напрочь потерять интерес к людям и сознательно искать тряпки по принципу: чем хуже, тем лучше. Дело в том, что люди не утратили интереса к Дине. Они мучили ее своим вниманием. Она хотела стать невидимкой. Но не заметить Дину могли только в обществе слепых. Потому что она была редкой красавицей.

* * *

Галя шла по Тверской с мужчиной неопределенного возраста и невнятной внешности. «Конечно, секс-символы не дают брачные объявления в газеты, – думала она, искоса, поглядывая на него. – Но как в случае чего описать его особые приметы? Чушь какая в голову лезет. В случае чего?»

– Дмитрий, а как вы отдыхаете? – вежливо спросила она.

– Иногда активно, иногда – с книгой на диване, – старательно ответил кавалер.

«Ну и какой же у него голос? – размышляла Галя. – Как у козла или наоборот? Что значит – наоборот? Какая же Наташка грубая».

Однако пора бы уже узнать, какие у него планы. К себе пригласит или рассчитывает к ней прийти?

– А с кем вы живете, Дима? Один или с родителями?

– С женой, – ответил этот козел. – Но у нас нет сексуального контакта.

* * *

Сергей шел с фотоаппаратом по Зубовскому бульвару. Какая-то странная, однополая толпа. Да это же агентство «Суперстар» проводит набор. Можно посмотреть.

Он медленно шел вдоль очереди, бесцеремонно разглядывая девушек. Они нисколько не возмущались, многие даже начинали позировать. У них теперь забота такая – ловить шанс. Стоп! Прямо на тротуаре, подложив под себя кусок картона, сидела девочка и ела мороженое, кусая от большого полукилограммового бруска.

Оно капало на голубое нарядное платье, которое и без того терпело испытание дорожной пылью. Сергей затормозил.

– Слушай, встань-ка, пожалуйста.

Девушка посмотрела на него с любопытством и подня-

лась, облизывая пальцы.

– Хочешь совет? – доверительно склонился к ее уху Сергей. – Не теряй здесь время. Здесь набирают моделей. Знаешь, что это? Вешалки для платьев. Чтобы платье было видно издалека. А ты в этой очереди самая маленькая. И самая хорошенькая. Что тоже не требуется. Зрители будут смотреть на твое лицо, а не на костюм. Пошли со мной?

– А ты че, баб тут снимаешь?

– Нет. То есть да, снимаю. Делаю фотографии для журналов. Я – фотохудожник.

* * *

Андрей Владимирович Николаев, главврач частной хирургической клиники, читал историю болезни новой больной. Чудовищная, нереальная история. Тамара Ивановна Синельникова, 58 лет, четыре года назад была отправлена на принудительное излечение в психиатрическую больницу № 51 по заявлению дочери. Предварительный диагноз установлен частнопрактикующим психиатром Орловым. За четыре года диагноз «шизофрения» ни одним из врачей в стационаре не подтверждался. Лечения практически не было. Полтаблетки галоперидола и радедорм на ночь. Четыре года! Жалобы на боли внизу живота записаны впервые год назад. Осмотр гинеколога. Так... Воспаление придатков, опущение матки... Назначение на биопсию – два месяца назад. Пригла-

шен специалист — онколог. Диагноз подтвердился. Как развивалась с тех пор опухоль, не указано. Лечение: полтаблетки галоперидола и анальгин при болях! Поступила для операции по просьбе Комиссии по гражданским правам. Может ли такое быть в нормальной стране? Чтобы правозащитники занимались операциями онкологических больных? Заключение невропатолога клиники при поступлении Синельниковой: «Уравновешена. Психических отклонений не замечено. Интеллект выше среднего». Ну еще бы. Доктор философских наук. Вашу мать. Профессор Николаев знал, как оперировать рак. Но он не знал, что делать с активными подонками. Их скальпелем не вырежешь. Быстро размножаются в своей грязи.

ГЛАВА 4

Сергей устанавливал свет в мастерской, а Наташка ела шпроты. Третью банку. Они с Олегом здесь не питались, но НЗ держали. Хлеб, консервы, несколько бутылок пива. Две девушка уже опустошила.

– Ты скоро закончишь?

– А ты что, дохлых шпрот пожалел?

– Нет. Времени. Я тебя не на прокорм взял.

Наташка вытерла рот салфеткой, которую он ей сунул, с любопытством посмотрела вокруг.

– Ну и как ты меня снимать будешь?

– Если б я знал. Слушай, сходи в ванную, умойся с мылом. Там немного косметики. Нос припудри, ресницы заново подкрась. Нет, только умойся. Я сам тебя подкрашу.

Минут через десять она уже имела товарный вид. Даже очень. Как девушка, которая может рекламировать колготки, жвачку, прокладки и даже косметику. Но ему нужно было абсолютно не это. Сергей велел Наташе сесть на диван и посмотрел на нее с разных сторон.

– Улыбнись. Как следует улыбнись. Спасибо. Теперь подумай о чем-нибудь.

– О чем это я думать буду?

– Все равно. Вспомни школу, соседей, кошку, вчерашний обед...

Она как-то посмурнела и без выражения уставилась в пол.

– Так, спасибо, больше думать не надо. Слушай, а ты можешь посмотреть на меня сексуально, призывно, как будто...

– Как будто трахнуться до смерти хочу? Сейчас.

Наташка на мгновение отвернулась, прикрыла лицо руками, а затем резко отняла ладони и приняла соблазнительную позу. Сергея качнуло. Вместо прелестного личика он увидел похабную физиономию с блудливым взглядом и придурковатой ухмылкой.

– Да, – печально сказал он. – Ты это выражение запомни и, когда увидишь его в зеркале, коли себя булавкой.

Это, конечно, полный облом. Ничего не выйдет.

– Разденься, пожалуйста, – в отчаянии попросил он.

– А больше ничего не хочешь? – зашипела оскорбленная его предыдущими словами Наташка. – За раздевание, между прочим, деньги платят.

– С тобой, конечно, так и было.

Сергей достал из кармана сто рублей и положил перед надутой девушкой. Ее взгляд тут же посветлел. Она без ломания и стеснения стянула платье и осталась в голубых трусиках. Плотненькая, довольно широкоплечая, с маленькими грудками. Все вполне, но не в этом дело. Сергей вышел в коридор, покурил. Затем решительно расстегнул и вытащил из джинсов широкий солдатский ремень. Сделал свирепое лицо и ворвался в комнату.

– Ой, – тоненько взвизгнула Наташка и, схватив лежа-

щее рядом платье, судорожно прижала к груди. Она подняла на него ставшие огромными глаза, нежный рот беспомощно приоткрылся. Она застыла, боясь шелохнуться. Чудесный выросший ребенок, увидевший жестокость мира. Он успел сделать пять кадров, прежде чем она пришла в себя, успокоилась и спросила:

– Ты что, совсем охуел?

Разрядка наступила. Она перестала позировать. Убедившись, что ей ничего не угрожает, она ходила в трусах по комнате, лежала на диване, разглядывая фотографии на стенах, пила пиво из бутылки, одевалась, опять раздевалась и даже мылась под душем. Все это время Сергей снимал. Уже стемнело, когда он подумал, что, возможно, сделал неплохую работу. Тут он заметил, что она не собирается уходить.

– Нам пора, – сказал он ей почти нежно. – Я здесь не живу. Он протянул ей пятьсот рублей. – Мало, но это только аванс. Если снимки пойдут, я обязательно заплачу тебе с гонорара. Оставь телефон. Может, еще поработаем.

Наташа явно не думала, что это мало. Она зажала деньги в ладони и мысленно улетела далеко из мастерской. Туда, где мается от безденежья веселая компания непутевых друзей.

* * *

Блондин вышел из метро «Планерная» и посмотрел по сторонам. Из-за внезапного задания Князя он не успел по-

чувствовать себя на свободе. Сейчас осмотрится, отдохнет. За два года здесь почти ничего не изменилось. Вот эта улица, вот этот дом. Он отсидел свой срок за ограбление квартиры. Князь свое обещание выполнил. Передачи были богатые и приходили регулярно. Камера отдельная, кумовья услужливые, будем надеяться, что и с бабками не кинут. Как получится, так махнет на юг. Он открыл ключом дверь своей коммуналки и почувствовал прилив умиления. Дома. Из комнаты выползла Машка.

– Валентин, ты, что ли?

– А кто же, по-твоему. Слушай, все времени не было спросить, как тут все без меня? Все на месте?

– Да так. Не очень. Лидия Павловна-то померла. Теперь в ее комнате учительница живет. Английского. С дочкой. Приемной. Баба чудная, мужиков водит по объявлению. А дочка – курва.

Блондин рассмеялся.

– Ничего, Мурка, мы с тобой их воспитаем. Слушай, поздравить не дашь? Щами твоими пахнет.

Он ел на кухне щи, когда входная дверь открылась и вошли двое: женщина лет сорока в черном брючном костюме и какой-то хмырь болотный.

– Ну вот, – сказала Маша, толкнув под столом Блондина. – Это и есть Галя, наша новая жиличка. А это, Галь, сосед вернулся. С курорта. Валентин его зовут.

– Очень приятно, – сказала Галя. – А это Дмитрий, мой

друг.

Пара прошла в комнату. «Тьфу», – сплюнула Маша им вслед.

* * *

Виктория Синельникова, в замужестве Князева, сидела в просторной гостиной своего дома в Стокгольме и тупо смотрела в стену. Полчаса назад ей позвонила подруга из Москвы и сообщила новость, от которой Вика впала в оцепенение.

– Слушай, я про вас с матерью прочитала в одной газете.

– То есть как? Что? Почему?

– Ты только не сходи с ума заранее. Там фамилии не было. Просто какая-то тетка из какой-то Комиссии по правам человека дает интервью. Ну примеры деятельности приводит. Без фамилий. Ну и говорит: мы, мол, занимаемся делом одной гражданки, которую дочь четыре года назад запихнула в психушку, чтоб отобрать квартиру.

– Еще что?

– Больше ничего.

– Но если там нет фамилий, почему ты решила, что это про нас? У одной меня, что ли, мать в психушке?

– У одной тебя квартира, в которой когда-то жила Марина Цветаева.

– Так было сказано?

– Так было написано, – не без удовольствия ответила Све-

та.

Вечером муж должен принести билеты в Москву. Агент по недвижимости сообщил ему, что есть покупатель, дающий за квартиру их цену, и все готово для заключения сделки. Вика уже больше года ничего не слышала о матери. Да, собственно, и не от кого было слышать. Всем знакомым семье она давно сказала, что мать умерла в больнице. Кроме Светки, конечно. Если она действительно злорадствует, то очень напрасно. Справку-то с диагнозом выдавал ее муж. Придурок Орлов. Не глядя. Теперь, если начнут выяснять, может обнаружиться главное: что врач дал заключение об опасности для общества человека, которого в глаза не видел. Фотографию ему, что ли, надо было дать. Орлов расколется! Он, конечно, скажет, сколько и кто ему заплатил. Кому еще платили. Она, Виктория, предупреждала. Чувствовала. Она же знает свою мамашу. Партизанка. Птица феникс. Только в одной ситуации та могла бы смириться: если бы над ней поставили надгробную плиту. Вика задохнулась от злобы. Не только на мать. Он ее обманул. Муж Славик, великий организатор, комбинатор, кровожадный ублюдок и жестокий сукин сын. Он говорил, что у матери такое лечение, что она бы уже через месяц там мычала и слюни пускала. Что не надо никаких летальных исходов. Так безопаснее. Черные подозрения ослепили Викторию. Почему он пожалел Тамару? Он же убийца. Потому что всегда хотел ее. И если б она ему не отказала, ее, Викторию, он бы не пожалел.

Главный редактор толстого журнала «Элита» Виктор Петрович Голдовский задумчиво рассматривал снимки, предложенные в номер на обложку и разворот. Актрисы, актеры, звезды эстрады, модели и модельеры. Хороший профессиональный уровень и полное отсутствие поиска, фантазии. Новое слово у авторов – давать кумиров без штанов. Он, конечно, не против, но и ничего хорошего в этом не видит. Такое впечатление, что кто-то просто вырезал снимки, опубликованные в других изданиях, и набросал ему на стол. Такое вроде бы и не отвергают, но и принимать у него нет сил. Ну хорошо. Есть у них категория персонажей, которые платят и за материал о себе, и за свои изображения на развороте. Без них они давно бы уже закрылись. Но именно поэтому на оставшуюся площадь Виктору Петровичу так хочется поставить что-то необычное, по-настоящему художественное. Такое иногда бывает у Сережи Кольцова.

Он набрал номер: «Сережа, здравствуй. Голдовский беспокоит. У тебя нет ничего такого, необычного для нас? Просто девочка? С улицы? Ну все зависит... Ты понимаешь. Дейлай. Неси. Я жду».

Возбужденная и нетрезвая Наташка открыла дверь квартиры. Ей не терпелось рассказать Гале, что случилось. Она потому ушла пораньше от Надьки, где все были, чтоб Галя еще не легла спать, чтоб ахнула от удивления. Ее, Наташку, фотографировали для журнала, дали денег и обещали еще.

Она вошла в комнату, хотела что-то сказать, но вовремя осеклась, удивленно глядя на Галину кровать. Там торчал и потихоньку дергался чей-то голый зад. Странный, с кустиками волос. «Это не мама», – сообразила Наташка. И поняла, что Галя под этим задом как раз и находится. На лице девочки появилась идиотская улыбка. Она тихо вышла из комнаты, взяла в кухне кипевший на плите чайник, вернулась, подошла к кровати и вылила на незнакомый зад весь кипяток. От страшного вопля зазвенела посуда в серванте. В комнату влетела Маша, а за ней следом какой-то парень с белыми волосами. Наташа спокойно наблюдала, как корчился на полу свалившийся с кровати мужик. Как хватает ртом воздух Галя, как пытается завернуться в простыню. Мужик стал скулить и просить: «Вызовите «Скорую». Я умираю». Никто не мог прийти в себя и сдвинуться с места. Тогда он подполз к Наташке и простонал: «Девочка, умоляю, вызови врача».

– А ты не перебеешься? – спокойно произнесла та и вышла из комнаты. За ее спиной раздался шум, закричала Галя:

«Сука! Я убью тебя!» Машка побежала к телефону. Наташка открыла входную дверь и оглянулась. Незнакомый блондинистый парень смотрел на нее с веселым интересом. Она громко хлопнула дверью и кубарем скатилась по ступенькам.

* * *

Сергей издалека увидел Дину с собакой и помахал им рукой. Они давно не виделись. И не потому, что он не хотел.

– Ну как ты? Ты хорошо выглядишь, – сказал он, и это не было правдой. Она была ослепительно хороша. И он почувствовал знакомую, восхищенную печаль. Странное чувство, которое появлялось у него, когда он видел Дину. Нужно срочно говорить о работе.

– Слушай, только ты можешь меня выручить. Понимаешь, сложное дело с оплатой с победы. Дело чести, по правде говоря. Нужны расходы, а я не готов. Все может решить одна хорошая работа. Как...

– Я так и подумала, когда ты позвонил. Как «Девушка у реки». Сережа, я же все объяснила. Я не могу позировать, видеть себя и в таком контексте даже тебя.

– Раньше ты понимала, что такое работа.

– А сейчас я хочу, чтобы кто-то понимал меня. И потом, что ты придумываешь насчет отсутствия вариантов. Любую идею можно осуществить с помощью режиссерской постановки, освещения, косметики, костюма. Возьми актри-

су, профессиональную модель. Я это знаю. Все-таки ВГИК кончала.

– Когда человек говорит: я знаю, как это делается, значит, он – зритель и дилетант.

– Да? А я вот что тебе скажу. Когда ты работал следователем, а снимал для души, как дилетант, у тебя получалось. А сейчас у тебя просто поток, халтура, как у всех, и ты цепляешься за соломинку.

– Слушай, ты просто озверела. К врачу обращаться не пробовала?

Дина приблизила к Сергею побледневшее лицо.

– Да. Я одичала. Потому что так захотела. В медицине это называется «феномен Маугли». Когда человек знает и любит свою болезнь. И еще это называется налаженной личной жизнью. И пошел, знаешь ли, в задницу. Я живу как хочу и зарабатываю на любимое существо как хочу.

– Как, если не секрет?

– Ухаживаю за больными людьми.

Сергей рывком поднял Дину со скамейки и крепко обнял.

– Диночка! Динка, льдинка, холодинка, ты же гений. Это же точно то, что нужно! Я ищу сиделку. Это, понимаешь, очень важный для меня человек. Женщина, 58 лет. Зовут Тамара. Завтра назначат день операции. После и понадобится сиделка. Я буду каждый день приезжать.

– Слушай, это, может, и то. Но ты какой-то странный. Ты чему радуешься?

– Только твоему гуманизму. Теперь по делу. Клиника недалеко, на Юго-Западе. В первый раз я тебя отвезу. Завтра привезу аванс. Пятьсот долларов хватит?

– И меньше хватило бы. Но откуда у тебя аванс?

– Эту женщину опекает Комитет по гражданским правам. Они меня и наняли. Я от тебя в фирму сиделок собирался рвануть. Ты только не передумай. Если хочешь, буду тебя несколько раз в день возить к собаке. Оставь Бобику мой телефон. Если что, пусть звонит в любое время суток.

– Он не Бобик, – строго сказала Дина. – Он Топаз. Запомни, раз собираешься с ним перезваниваться.

ГЛАВА 5

Они познакомились несколько лет назад в обстановке будничной, если не сказать казенной. Сергей сидел в своем кабинете в Генпрокуратуре и читал бесперспективное, в смысле восстановления справедливости, дело. Столько ведомств напортачило, решая вопрос о судьбе ребенка, которого воспитывала хорошая бабушка после того, как его бросила плохая мать. Но мать, нагулявшись, накуковав всласть, оставив в Доме ребенка еще одну малютку, подала иск в суд, чтобы отменили решение об опеке бабушки над внуком. Дураку понятно: хочет сама получать пособие на ребенка. Продолжая пить, гулять и кочевать по квартирам мужиков. У нее все получилось. Она пособие выцарапала, ребенок по-прежнему живет у бабушки. Вывод один: у этой дряни есть деньги на взятки. Распутывать все в обратном направлении – легче удавиться. Разные суды с разными составами, комиссии по опеке, по охране детства, по тому и сему. Разобраться в мотивах, причинах, юридической казуистике, социальной демагогии, доказывать, находить свидетелей – это огромное, кропотливое расследование. А случай – один из миллиона.

Запросили в прокуратуре дело, по которому вынесены все решения, после статьи в газете. Как водится, задача Сергея – дать успокоительный ответ редакции: все, мол, в рамках закона, но мы разберемся. Тут-то начальник отдела и попро-

сил его пообщаться с автором статьи: «Тяжелый случай. Ответа она не хочет. Будет добиваться».

До конца рабочего дня оставалось два часа. Само по себе тяжелейшее время суток. Никак не для душеспасительных бесед с настырной, въедливой и желчной, судя по материалу, бабенкой. Он спустился в бюро пропусков со смертной тоской в душе и взоре.

И обалдел. Ему навстречу шла девушка— мечта. Каких не бывает в жизни. Таких представляют себе, читая о сказочных принцессах. И улыбнулась она так хорошо, приветливо, доброжелательно, представляясь: «Дина Петренко». Он сейчас ей быстренько все объяснит, они пошлют к чертям суды с опеками, бабушками, гадюками, и у него отлично закончится день. Он жестоко ошибся: все только началось. Но Сергей никогда не жалел об этом. Даже когда его попросили из прокуратуры. В общем, из-за нее. Из-за ее принципиальности и желания добиваться справедливости до победного конца. Не оставлять же ему одну девушку— мечту на минном поле. А прокуратура-то, как говорится, не больно-то хотелось. Удел многих. С того дня он посвятил себя судьбе бабушки с внуком. Сказал в отделе: «Не получилось отфутболить. Высокие связи», — и поднял глаза к потолку.

Они вдвоем таскались по разным кабинетам, рылись в кучах документов, замучивали людей вопросами. В его присутствии это были не просто интервью. На него смотрели с ужасом, как на расплату за грехи. Они, конечно, добились

пересмотра, выиграли. «Ты довольна?» – спросил он, выходя из суда. «Нет, – мило ответила она. – Попугай, пожалуйста, эту сволочь – мамашку. Скажи: «Если с бабушкой что-то случится...», дальше по вкусу».

Так началось их странное сотрудничество, его великая зависимость. Сергей получал такое наслаждение, принимая участие во всех ее делах, иногда очень опасных. Такое наслаждение от того, что они близко стояли, сидели, ели, шептались, что большего, казалось, не хотел. Большее могло стать для него катастрофой. И не только потому, что он был нормально, вполне счастливо женат. Сергей не думал, что может значить для Дины много. Но однажды большое случилось. После очередной лихой победы в безнадежном деле их обоих охватило чувство такой безграничной свободы... С этим чувством невозможно было расстаться. И он рассказал о своих занятиях фотографией, предложил посмотреть работы в мастерской, которую тогда делил с другим приятелем. Они купили какой-то еды, вина, вошли и остро почувствовали, что впервые остались абсолютно одни. Сергей крепко прижал ее к себе, поцеловал требовательно, почти жестоко. Если бы Дина стала отталкивать его, он бы уже не смог с собой справиться. Но она этого не сделала. Она отдалась нежно, трепетно, без стонов, любовных слов, судорожных объятий. Просто раскрылась в страсти, как благоуханный цветок, и в минуты особого наслаждения прерывисто вздыхала, закусив губу. Ночь, к счастью, остановилась. Они начинали себя

осознавать, говорили, ели, плескались под умывальником и вновь проваливались в любовь. Сергей был потрясен, как художник. Если отводил от нее взгляд, боясь надоесть, то продолжал смотреть на нее украдкой. У нее оказалось тело богини. Идеально пропорциональное, с высокой грудью, полными, тугими бедрами. А лицо... Это, конечно, подарок бога мужчинам. Прелестный овал, большие зеленоватые, удлиненные глаза, яркий, полный, удивительной формы рот, золотистые волосы. Она умылась, стерла краску с ресниц и стала еще ярче. Утром им до смерти захотелось искупаться: ванной в мастерской не было. Сергей нашел в тумбочке большое полотенце, и они поехали в Серебряный Бор. Дина вышла из воды, закуталась в полотенце и села сушить волосы, как Аленушка на берегу. Сергей ее сфотографировал. Это и был его самый знаменитый снимок – «Девушка у реки».

Больше между ними никогда ничего не было. Потом настала просто расплата за праздник.

* * *

Андрей Владимирович вошел в один из маленьких уютных холлов своей клиники и приветливо кивнул дежурной сестре.

– Добрый день, Танечка! Как новенькая, Синельникова?

– Хорошо, Андрей Владимирович. Отдыхает. Врачи по списку ее смотрят. Кушает хорошо.

Он открыл дверь пятой палаты. Это оказалась крошечная комнатка с деревянной кроватью и тумбочкой у окна. Тамара лежала на высоко взбитых подушках. Она не спала и не читала. Просто наслаждалась покоем, уединением, передышкой.

– Здравствуйте, Тамара Ивановна, я главврач, профессор Николаев. Андрей Владимирович.

Она заметила, что главврач – высокий, симпатичный и, как говорят женщины, интересный мужчина.

– Очень приятно. Я хотела вас поблагодарить. Здесь так хорошо. Такой внимательный персонал.

– Я рад. Специалисты познакомили меня с результатами осмотра и анализов. И пришли к выводу, что болезнь не так запущена, как мы боялись, как могло быть в подобных условиях. Вы хорошо держитесь. В болезни это очень важный фактор, как и в жизни вообще.

– Я спортсменка.

– В ближайшее время я сообщу вам день операции и познакомлю с хирургом, который будет оперировать.

– Андрей Владимирович, мне бы очень хотелось, чтобы не сразу: пару дней, если можно. Немножко настроиться...

– Разумеется. Не можно, а нужно. И не пару, а сколько потребуется. Ничего горящего. Кстати, мне звонили из Комиссии по гражданским правам: вам наняли сиделку. Приступит в день операции. И еще. Вы можете на нас рассчитывать. Мы пойдем навстречу вам и вашим друзьям. Цель мне ясна.

После ухода главврача Тамаре принесли обед: куриный

бульон, почти домашнюю котлету, компот и яблоко. Она второй раз за день приняла душ в закутке своей палаты за занавеской. Одна! Полистала светский журнал, который принесла ей Таня. Особняки, безумные квартиры, приемы, наряды, семейные идиллии.... Прямо Лос-Анджелес, а не Москва.

Вечером ей принесли чай с лимоном и тосты с сыром. И то, и другое горячее! Неужели так бывает? Она не знала, что повариха Надя второй день готовила сначала для нее, а потом для других больных. Готовила и всхлипывала, бормоча: «Детей сейчас нет. Есть только сволочи».

Тамара открыла перед сном окно (без решеток), вдохнула вечерний воздух начинающегося лета и погасила свет. Ей дали импортное легкое снотворное из запасов главврача. Она сладко зевнула, потянулась, вспомнила, как заботливо сестричка Таня подоткнула ее одеяло, погладила руку тонкими розовыми юными пальцами... Вдруг страшный спазм стиснул грудь. Тамара натянула на голову одеяло, уткнулась лицом в подушку и глухо завывала. Как недобитый зверь. У дочери Вики такие же пальцы. На этом воспоминании, на других воспоминаниях она, кажется, поставила крест. Но сколько воды! Неужели у нее остались слезы? Так закончился первый день свободы Тамары Синельниковой.

* * *

Голдовский рассматривал снимки, принесенные Сергеем.

Какие-то сразу отложил в сторону. Фотографии Наташки отобрал и стал внимательно разглядывать.

– Вот есть это у тебя. Как будто смотришь иллюстрации хороших картин. Рука мастера. А девчонка забавная.

– Не то слово, Виктор Петрович.

– Я беру несколько снимков. Два поставлю на внутреннюю сторону обложки – в начало и в конец. Почему название не придумал? «Девочка». А что? Это название.

Голдовский выбрал снимок, на котором Наташка испуганно прикрывается платьем, и еще один: у стола с пустыми бутылками, консервными банками она стоит, выйдя из душа, и вытирает полотенцем ногу, поставив ее на стул.

– Ну что ж. Оплата, как договаривались, сразу. – Редактор написал сумму на бумажке. – Иди в бухгалтерию.

Из бухгалтерии Сергей вышел богаче на две с половиной тысячи рублей. Хрен придумаешь, куда прежде сунуть такие деньжищи. Последние пятьсот долларов он утром отвез Дине. Но это вроде Комитет возместит. В какой-то степени. Теперь – другой долг чести. Честь – это богатство бедного человека. Сергей набрал по мобильнику номер Наташки. Ответил приятный женский голос, то есть не ее.

– Можно Наташу Боброву?

– А кто ее спрашивает? – спросил голос менее приветливо.

– Фотограф. У меня ее гонорар за снимки.

– И сколько? – спросил голос враждебно-насмешливо. –

Можете мне сказать, я ее мама.

– Да не очень много.

– А ей нужно много, этой дряни! Потому что она обварила кипятком моего любовника. И он сейчас требует двадцать тысяч. В противном случае посадит ее к чертовой матери. И будет прав. Вот такой у нее может быть гонорар.

Трубку шваркнули. «Да, – изумленно подумал Сергей, – это не так уж трудно – узнать руку мастера».

* * *

Лариса Кольцова пила кофе в баре «Останкино». Ей очень хотелось, чтобы кто-то из приятельниц к ней подсел. Не то чтобы язык чесался откровенничать. Просто намекнуть, загадочно скрыть... Вот то, что требуется. Светка Орлова, сексуально-озабоченная, завистница и сплетница, машет ей рукой от стойки. Лариса радушно показала на стул рядом с собой. Светка плюхнулась, положив на стол штук пять пирожных.

– Нет, это невозможно. Я ему говорю... Слушай, что это с тобой? Что-то изменилось. Прическа, что ли. Может, ресницы чем-то хорошим накрасила... Честно говоря, вид у тебя такой, будто бы ты подтянула морду. Но я ж тебя видела на днях.

Сучка. Сама б себе что-то подтянула вместо того, чтобы пирожные корзинами жрать.

– Собственно, ничего такого, Светик. Ничего радикального. Сходила в салон красоты, маску, массаж сделала... Очень хороший массаж, даже спала как убитая. Знаешь, такой профессиональный парень.

– Парень?! Ну-ка с этого места поподробнее.

– Не знаю, что тебя интересует, но подробностей нет. Просто умелые, добрые руки и глаза... внимательные.

Лариса оставила Свету давиться пирожными, изнемогая от завистливых догадок. Ей надо было быстренько закончить дела и мчаться на Ленинградку, чтоб не прерывать курс массажа.

* * *

Сергей подъехал к дому на Цветном бульваре. Он должен был встретиться в офисе с Валентиной Петровной, представительницей Комиссии по правам человека и заказчицей по делу Синельниковой. Составить список необходимых документов, фактов, которые нужно доказать, свидетелей. У двери его комнаты стоял стройный мужчина в дорогом костюме и с тем приветливо-заинтересованным выражением лица, которое обычно выдает иностранцев в России.

– Вы есть Сергей Кольцов? – полуутвердительно спросил незнакомец с мягким, возможно, французским акцентом. – Я – Филипп Нуаре, помощник известного американского бизнесмена Ричарда Штайна. Несколько лет назад мы бы-

ли спонсорами международной выставки фоторабот в Нью-Йорке. Вы стали победителем. Сейчас у нас в России программа, а для вас – деловое предложение. Разрешите войти?

* * *

Дина ходила по «Седьмому континенту». Работа может начаться в любой день. Нужно подготовиться. Прежде всего – забить морозилку мясом для Топика. Затем – несколько пар резиновых перчаток и моющие, дезинфицирующие средства. Ухаживая за больным, Дина обязательно каждый день мыла пол в палате, независимо от того, общая она или отдельная, и два раза в сутки драила туалет, тоже независимо ни от чего. Теперь – пару банок «Нескафе Голд», пачки три разного чая, песок, хрустящие хлебцы. Дина постояла в кондитерском отделе. Хотелось не сладкого. Хотелось подсластить разлуку с собакой. Какое-то время они будут видеться только урывками. Это больно. Дина подумала и взяла итальянский торт «Черный лес» за 600 рублей. Да, она кормит собаку тортом и ест его сама. Но очень редко. С радости или печали. Да, еще несколько плиток горького шоколада взять с собой в больницу. Помогает от усталости ей и подкрепляет больного. Больную. Хорошо бы оказалась милой женщиной.

Уже на улице она купила в палатке с одеждой свободное, немнущееся платье в мелкую сине-бежевую клетку, светлую косынку песочного цвета и мягкие темно-синие тапочки.

Дома Дина собрала небольшую дорожную сумку и позволила Сергею.

– Я в боевой готовности. Жду сигнала. Ничего не изменилось?

– Нет. То есть да. В смысле, все нормально, по плану, – сбивчиво заговорил Сергей.

– Что это у тебя голос такой странный? – удивилась Дина.

– Ничего. Тебе показалось, я позвоню.

«Ему некогда, – объяснила Дина Топику. – У всех есть время только для того, чтобы нас разлучать. Но я с Топиком».

* * *

Массажист Игорь зажал Ларисе рот рукой, чтобы она не крикнула, кончая. От сильных ощущений у нее кружилась голова, она плохо соображала, где находится, почему не может вытащить одну руку. Рука застряла в подлокотнике косметического кресла. Господи, как же они умудрились с него не свалиться. Игорь быстро привел себя в порядок. Одним движением посадил Ларису, подняв спинку кресла, сунул ей в руку трусики и поправил юбку.

– Тебе было хорошо?

– Мне было невероятно. – Она прижалась к нему.

– Значит, делайте эти упражнения раз пять в день, – громко сказал Игорь, чтобы было слышно в соседнем кабинете. –

Но, конечно, массажа это не заменит.

– Я приду в четверг, – прошептала Лариса, – тебе удобно?

– Мне очень удобно.

Она вышла, стараясь не шататься и не бежать. Он немного постоял у окна. Потом медленно вошел в подсобку, закрыв за собой дверь. Там, на деревянной скамейке, рядом с тряпкой и щеткой для пола посапывала Наташка. От нее сильно пахло спиртным. Он сел рядом. Девочка проснулась, вытаращила глаза, что-то вспоминая. Потом подозрительно уставилась на него:

– Ты че так долго? Я жрать хочу. А ты че такой довольный? Трахался, что ли?

– Закрой глаза.

– Еще чего, – сказала Наташка, но глаза закрыла.

Он вынул из кармана и надел ей на шею тонкую золотую цепочку с маленьким золотым крестиком.

ГЛАВА 6

Это дело Дина забыть не могла. На заседание военного суда она пришла по просьбе знакомого эксперта: «Там такая странная история. Судят за убийство женщины молодого офицера. Он признался. Но у них нет и, похоже, не было трупа. Это заседание третье, и рассматривается третья версия убийства. Убийца не имеет представления, как, когда и за что он убил свою жертву».

Во дворе Дина познакомилась с родителями обвиняемого Александра Блинова и его адвокатами. Вошла в зал и попала в царство абсурда. Адвокат Ефимова в своей речи доказывала, что ее клиент задушил жертву ее же платочком в своей машине в состоянии аффекта, ссылаясь при этом на положение красной полосы на шее убитой и еще какие-то детали. Прокурор находил убийство умышленным, опираясь на особенности повреждений трупа. Но трупа в действительности не было! Вместо него в деле фигурировала коробка из-под обуви с каким-то черным порошком и кассета с видеоматериалом. На ней Александр в окружении солдат что-то копает лопатой, затем сыпает это в коробку. Ему попадаете то ли круглый камень, то ли комок грязи. Голос за кадром говорит: «Пиши. Это голова». Дина некстати хихикнула: «Это были раскопки чего?» На нее строго посмотрел председательствующий, а все остальные старательно сделали вид, что не слы-

шат. В перерыве она подошла к судье, показала аккредитацию, спросила: «Когда мы можем поговорить?» И услышала в ответ: «По этому делу никогда». Она подошла к клетке с обвиняемым – перед ней вырос солдат с автоматом. Но она рассмотрела умное, несчастное лицо узника, взгляд без тени надежды.

Заседание опять перенесли на другой день. Каких-то свидетелей не хватило. Дина попросила почитать дело, не сомневаясь, что получит отказ. И вдруг ее оттащила в сторону адвокат Ефимова. «У меня все переписано, кое-что я перефотографировала, – прошептала она Дине на ухо. – Они постоянно меняют листы, что-то изымают, что-то вкладывают. Я могу вам вечером принести».

Вечером удивлению Дины не было предела. Она обнаружила такие документы: справку о том, что майор Блинов, будучи в Бутырке, оплатил все расходы на похороны и поминки родственникам жертвы, расписка этих самых родственников, что они получили тело убитой Ирины Сидоровой, справка о том, что она похоронена на Хованском кладбище такого-то числа, через неделю после убийства. В протоколе дела – опрос свидетеля, отца Ирины.

«Я живу в Подмосковье, о смерти дочери узнал не сразу. Приехал уже на похороны». Вопрос: «Ее хоронили в закрытом гробу?» Ответ: «Нет, в открытом». Вопрос: «Вы заметили на теле какие-то изменения, повреждения?» Ответ: «Нет, никаких повреждений не было».

Дина в растерянности позвонила Сергею: «Слушай, прокурор. В заказных делах с подставным убийцей соблюдается хоть какое-то, грубо говоря, приличие? Правдоподобие?»

– Абсолютно необязательно, – сказал Сергей. – Там действуют другие законы. И я никому не посоветовал бы их нарушать.

* * *

Блондину надоело ждать звонка. Он приподнял телевизор и достал крошечный пожелтевший кусок бумаги. Записанный на нем телефон с трудом, но все же прочитывался. Знать бы еще, что это за номер – квартиры или офиса, кого по нему спрашивать. Они тогда встретились с Князем для предварительного разговора, зашли в пивную. Он краем глаза видел, как Князь набрал тот номер. Там ответили, и он произнес: «Я скоро буду». По справочной вряд ли узнаешь, особенно если домашний номер. Блондин решил попробовать. Набрал его и услышал: «Дежурный Петров слушает».

– Это милиция?

– Вы ошиблись. Министерство обороны.

* * *

Коля Ершов, отставной капитан и наркоман, утро провел

в трудах. Добрался до туалета и обратно, на диван. Ноги совсем отказали, а теперь и почкам п...дец. Врач сказал: нужна пересадка. «От кого же? – спросил Коля. – Может, ты лишнюю отдашь?» – И засмеялся беззубым ртом. Вообще-то, даже мать удивляется, что он до сих пор жив. Чего только у него не находили: и цирроз печени, и язву желудка, и с позвоночником чего-то. Лечить, конечно, не лечили, но бесплатные советы давали: «С наркотиками ты, того, завязывать». А если нет, хуже, что ли, будет? Но наркотики завязали с ним. Мать за героином не пошлешь. Да и не нужны они. Голова и так гаснет, как перегорающая лампочка. Коля насыпал горсть анальгина, радедорма, димедрола – мать где-то просроченные берет – и проглотил все разом, запив несвежей водой из стакана. Мать говорит: нельзя столько. Но он-то знает, что, в крайнем случае, всего лишь подохнет.

В дверь кто-то постучал. «Входите, не заперто», – сказал Коля и открыл рот от удивления. Да это ж Блондин! Приперся!

– Ну и вонь тут у тебя, – сказал Блондин, брезгливо разглядывая Колю. – Значит, ты жив. А я тут из командировки вернулся, дай, думаю, повидаю дружка.

– Ну повидал. Теперь пойдешь?

– А я помешал, что ли? Помнишь, как мы здорово посидели с Иркой, подружкой твоей?

– Да какая она мне подружка? Порошок иногда давала.

– Ну все-таки. А ты тот вечер помнишь?

– А что мне помнить? Мы посидели, вы остались, ее грохнули, Сашку Блинова взяли. Ему четырнадцать лет дали. Я был свидетелем. Сказал, между прочим, что он ее последним видел. А когда дело разваливаться начало, я признался, что мы вместе с ним ее сожгли той же ночью.

– А на самом деле?

– На самом деле тебе, наверно, виднее. – Коля боязливо отодвинулся подальше.

– Что ты жмешься? Я не следователь. Я просто знать хочу, кто после меня в ту квартиру приходил. Просто так, понимаешь, интересно. Сдается мне, ты далеко тогда не ушел.

– Ушел. А, ладно. Мне все это уже по барабану. Ты вышел, Жорка подъехал, муж. А потом менты. Я домой пошел. Утром за мной приходят. Говорят – вы как свидетель. Ваш друг Блинов признался в убийстве. И пошло. Видишь, как здоровье подкосило? Я про тебя ничего не сказал.

– А тебе и говорить было нечего. И сейчас ты меня не видел. Где Жорик-то, муж?

– Где-то на даче после отставки живет.

– О! Одни господа офицеры у нас. И где ж эта дача?

– Не знаю. – Глаза у Коли закрывались. – В Балашихе.

– Эй, не спи. Фамилия его как?

– Как у Ирки. Сидоров.

Коля спал. Блондин пошел к выходу, подумал и вернулся. Вытащил из кучи всякого мусора полиэтиленовый пакет, надел Коле на голову и плотно перевязал на шее своим но-

совым платком.

Через пятнадцать минут он вышел из дома, пересек соседний двор, положил пакет и платок рядом с мусорным баком, набросал сверху газет, оберточной бумаги и поджег.

* * *

В агентстве по недвижимости кипела работа. Звонили телефоны, мигали компьютеры, важно передвигались агенты с документами в руках. Сергей скромно встал у порога и подождал, пока его заметят.

– Вам кого? – наконец спросила, пробегая, девушка.

– Мне бы агента, который занимается продажей квартиры Синельниковой. Точнее – продавец – Синельникова-Князева.

– А вы, собственно, кто? – поднял бровь тип за одним из столиков.

– Я, собственно, покупатель.

– Не понял. Вы от Николая Степановича, что ли? Если нет, квартира продана.

– Да, от него.

– Но он мне ничего не говорил.

– Сейчас скажет, мы ему позвоним. Можно как-нибудь сесть, чтоб никому не мешать? – Сергей сел к столу, положил перед агентом визитку.

– Можете звонить Николаю Степановичу. Все отменяется.

– С ума сошли? При чем тут частные детективы? У нас законная сделка.

– Так уж и законная? У квартиры есть хозяйка, и она ничего не продает.

– А вы знаете, что там уже четыре года никто не прописан? Где эта ваша хозяйка? Продает наследница.

– Вот. У вас что, свидетельство о смерти есть? Какая-то доверенность?

– Я не обязан рассказывать.

– А ты скрывай, Зоя Космодемьянская. Я к тому, что в эти самые минуты сотрудники Генеральной прокуратуры и Комиссии по гражданским правам звонят всем начальникам паспортных столов – от микрорайона до города. А все, что было в твоём компьютере по поводу этой сделки века, уже есть в моем. Ты что, корыстный такой – из-под живого человека квартиру продаешь?

– Да я вообще только с бумагами, исполнитель.

– В этом твоя беда. Дело вот в чем, старина. Народу в этой афере много, но скамья подсудимых безразмерна.

* * *

Виктория и Вячеслав Князевы прилетели в Москву вечером. Она пошла на стоянку такси, через некоторое время он к ней присоединился. Поставил рядом клетчатую сумку: больше вещей они не брали. Все должно произойти быстро.

И нечего им делать в этой Москве... В такси она спросила: «Мы куда?»

– Домой, конечно, на «Новослободскую». В той квартире нам светиться незачем. Завтра отдадим ключи. Конечно, после того, как деньги получим.

Больше они не разговаривали до самого дома. Вошли, умылись, она смахнула пыль с мебели, вскипятила чайник.

– Может, позвонить Светке насчет той газеты?

– Да плевать я хотел и на Светку, и на все газеты, вместе взятые. Они сейчас могут писать все, что взбредет в голову. Никого это не колышет. Когда вышла статья? Неделю назад? Да все забыли, если и читали.

– Ты что, не понял, о чем я? Почему вдруг это возникло? Она жаловалась? Ты ж говорил, ей такое лечение назначили: не вспомнит, как ее зовут. В чем же дело?

– Ты что, обвиняешь меня в том, что твоя мать жива? Так взяла бы и отравила. Не пришлось бы затевать эту бодягу с психушкой. Гнида ты все-таки!

– Я? – истерично взвизгнула Виктория. – Это я захотела квартиру продавать до того, как? До наследства? Это я к старой теще приставала при молодой жене?

– Заткнись, идиотка!

– Я идиотка? Да я все видела! Я слышала. Я столько затыкалась. Да я и потом ничего. Только бумажки подписывала. Только наблюдала, как ты с ней расправляешься. Ну не за квартиру же. Тебе что, квартир не хватает? А теперь я знать

желаю: почему ты ее не убил? Ты же всех убиваешь.

От страшного удара Виктория отлетела к стене, стукнулась головой, сползла на пол и затихла.

* * *

Светлана Орлова, редактор программы популярного телеведущего Виталия Стражникова, уже несколько раз набирала с работы номер телефона подруги Виктории, которая вчера должна была прилететь из Стокгольма. Потом сообразила. Они, видимо, остановились не в квартире матери, а у него, Князева. Ох, с ним говорить – на целый день настроение испорчено. Интересно, продали они уже квартиру Тамары? А вдруг действительно дело возбуждено? Они-то свалят в свой Стокгольм, а ее Орлова возьмут за задницу. Да нет. Вряд ли. Столько лет прошло. А возьмут, тоже ничего страшного. Так ему и надо. До чего дошел. О разводе речь ведет. И не просто о разводе. Он делить собрался то, что тогда с перепугу на ее счет положил. Теперь, говорит, это делится как совместно нажитое имущество.

Звонок, Светлана схватила трубку.

– Привет, Вика! А я как раз о тебе думаю.

– Слушай, Свет! Нам сделку остановили. В агентстве сказали, из прокуратуры звонили.

– Да, дела: Викусь, давай вечером созвонимся. У нас тут народ блуждает. Дома спокойно. Да. Пока.

Лариса Кольцова, собрав сумку, прошла мимо стола Светланы.

— Эй, ты куда так рано?

— Да я все на сегодня сделала, мне в одно место надо.

— Говори, в какое, может, я тебя подвезу.

— Ой, правда? У меня муж как раз машину отобрал. Мне на Ленинградский проспект, к косметичке. Она мне крем делает из масла какао.

— Заказ принят.

Как же, к косметичке она. Каждый день сбегает. Ходит томная, многозначительная. Как будто в нее принц Монако влюбился. Королева зажопинской красоты. Света недолюбливала Кольцову. До «Останкино» она работала диктором в провинции. Приткнули сначала в редакции бумажки разносить. Потом по какому-то звонку разрешили в эфире что-то почитать. Света хорошо помнит этот день. Она дома включила телевизор, собираясь посмеяться над простенькой провинциалкой. И замерла ошеломленно. Бывают фотогеничные люди. Но с Ларисой в кадре произошло чудо. Ее скромное личико с мелкими чертами засветилось особой, значительной красотой. Она в тот же миг стала знаменитой, всеми узнаваемой, приняла это как должное и все свои проблемы и неудачи стала объяснять только завистью окружающих.

Светлана высадила Ларису у метро «Аэропорт», чуть отъехала, поставила машину и медленно пошла за ней. Действительно, «Салон красоты». Что ж, как-нибудь заглянем.

ГЛАВА 7

Красавец Игорь Селезнев, действующий дамский массажист широкого профиля и дипломированный юрист по образованию, курил в тесном подсобном помещении салона. Что-то ему мешало. Он хорошо чувствовал женщин, понимал их желания, скрытые и явные мотивы, умел просчитать последствия своих неизбежно возникающих связей. Последствия – это не преимущества, а совсем наоборот. Приблизить к себе постоянную клиентку (а постоянными бывают сейчас женщины со средствами и большими возможностями) – это значит укрепить свое положение вообще и материальное в частности. Это своего рода пиар, поскольку женщины не умеют любить молча. Но его новая «возлюбленная», телеведущая, во-первых, откровенно скупа. Во-вторых, эта ее прилипчивость, истеричная страстность может принести гораздо больше вреда, чем пользы. И наконец, все эти медиа, шоу-бизнес, большие и совсем маленькие звезды – головная боль для человека, который хочет жить рационально и спокойно. Игорь вздохнул, погасил сигарету и повернулся к двери, где слишком громко загремели ведро и швабра в Наташкиных нетерпеливых руках. Он внимательно посмотрел на хорошенькое сердитое личико. Она всегда такая, когда ей нужно что-то делать. Если, конечно, трезвая. Вот с ней все понятно. Девка – чума. Дураку понятно: от такой нуж-

но держаться подальше. Собственно, почему-то грустно подумал Игорь, поближе она и сама не допустит. То есть переспать – это пожалуйста, ей не жалко. А попробуй наступить на ее независимость – без уха останешься. В лучшем случае.

– Все курят, по креслам валяются, чай пьют. Одна я должна корячиться, – гневно произнесла Наташка.

– По-твоему, я за тебя должен пол мыть? Или, может, заведующая, клиентки? – уточнил Игорь со спокойным интересом.

– Кто гадит, тот пусть и моет.

– Но зарплату уборщицы ты получаешь.

– Ой, зарплату, я не могу!

– Ладно, успокойся. Я тут кое-что вкусненькое принес. Давай поедим, чайник поставь.

– Да, – с готовностью бросила орудия труда Наташка. – Жрать жутко хочется. Там одна клиентка из твоей очереди горячий пирог доедает с капустой. Я его чуть не выцарапала.

– Вот видишь. Не выцарапала. То есть совершила один разумный поступок. Заваривай чай.

Он вынул из пакета хрустящий швейцарский хлеб, докторскую колбасу, сыр, помидоры.

– Ни фиги себе – закуска. Мы что, все это чаем испортим? Может, сбегашь за бутылкой? Ну хоть пива. Ну Игорешка.

Он быстро взглянул на ее лицо с выражением уличной попрошайки, молча набросил пиджак и пошел за пивом. Надо на нее смотреть поменьше. Больно хороша, да еще умильная

какая-то, что ли.

* * *

Дина ходила по квартире, проверяя, все ли запасы сделаны, все ли необходимые вещи сложены в сумку. На кухне под окном двухкилограммовые пакеты с сухим кормом «Педигри» выстроились в оранжевую шеренгу. Воду вскипятила, поставила в холодильник, чтобы с утра разлить в несколько мисок. Топаз ходил за ней и при каждой возможности вопросительно заглядывал в лицо огромными, прекрасными темно-кариими глазами.

– Деточка, дорогая! Я буду все время прибегать. Я быстро вылечу эту тетку и приеду к Топику.

Жалко, что в доме нет ни одного приличного человека, которому можно было бы ключ оставить. Нет, в каком-то смысле они все приличные. Все-таки кооператив Академии наук. Но противные: или слишком равнодушные, или слишком любопытные и навязчивые. Лучше никого не ставить в известность. Особенно злущую и вороватую дворничиху Вальку. Хотя нет, можно Лидию Александровну из соседнего дома попросить заглядывать. Она и выгулять Топика могла бы. Но это видно будет. Как дела пойдут у ее подопечной. Тамарой ее зовут. Рак матки. Если вовремя операцию сделают, может поправиться совсем.

Дина подошла к письменному столу, собрала в папку

листки с «Дорогой Ниной» на месяц вперед. Завтра по дороге в клинику завезут с Сергеем в редакцию. Вроде бы все. Она остановилась у портрета ослепительно красивой женщины в черном шелковом облегающем платье и роскошной шляпе с вуалью. Бабушка, миленькая. Вы все меня оставили. Знать бы, что вы сейчас вместе. А мне тяжело. У меня не проходит страх. Я боюсь потерять собаку, не вернуться домой. Боюсь надеяться, радоваться, кого-то пожалеть или полюбить. Ты поможешь мне, бабушка? Дина быстро взяла со стола другую фотографию, маленькую, в круглой деревянной рамочке, приложила к губам, прикрыв глаза. Посмотреть на нее она бы не смогла: на миг ослепили горячие, едкие слезы. Впрочем, ей не нужны глаза, чтобы видеть прелестное лицо с синими глазами, белыми кудрями, ямочками на щеках. Чудесного мальчика, единственного на всем свете.

Дина долго лежала в горячей ванне, затем вытерлась, хотела надеть ночную рубашку, но передумала. Вышла на балкон обнаженная, горячая, растревоженная. В густой темноте высокие – выше ее пятиэтажки – березы шептали о том, что лето наступило, что до следующей зимы – целая вечность. Можно расслабиться, оттаять и, кто знает, не пошлет ли бог какую-нибудь крошечную удачу...

* * *

Андрей Владимирович приехал в клинику в плохом на-

строении. Никто не знает, как у нас выходить из подобных ситуаций. Когда работаешь в государственном учреждении, отсутствие средств – обязательная составная трудового и гражданского подвига. Знаешь, в какие кабинеты следует ходить, куда направлять прошения, чтобы получить то, что якобы предусмотрено бюджетом. А что делать главврачу частной клиники, когда хозяин исчезает? Когда фирма, которая должна оплачивать счета, приобретать для клиники оборудование и лекарства, прекращает все это делать? И главное – ни один телефон не отвечает. Тот, кто пробовал на вкус российскую благотворительность, знает, что это такое. Что это за знак.

У двери кабинета Андрея Владимировича встретила возбужденная секретарша.

– Ой! Вас там ждут! Такой шикарный иностранец.

Ну вот. Как объяснить иностранцу, что в клинике завтра, возможно, анальгина не будет.

«Шикарный иностранец» почтительно встал, когда профессор вошел в кабинет.

– Очень рад познакомиться с известным ученым. Мое имя Филипп Нуаре. Я – советник, помощник и представитель не менее известного американского магната Ричарда Штайна.

– Очень приятно. Чем мы можем быть вам полезны?

– Надеюсь, не вы, а мы сумеем быть вам полезными. Мы хотели бы финансировать вашу клинику в рамках социальной программы, которую мы разворачиваем в России.

– Серьезно? – Андрею хотелось расцеловать всех американских магнатов. – Но у нас сложная ситуация. Понимаете, клиника может просто исчезнуть, как появилась. Не знаю, поймете ли вы. Это специфическая практика. Однажды депутат парламента хотел через одну подставную фирму перевести в другую подставную фирму, но уже за рубежом, большую сумму, вероятно, криминальных денег. Но это стало достоянием гласности. И, чтобы спасти свою свободу и положение, депутат совершил благородный шаг: отдал деньги на эту клинику. Его фирма нас финансировала. Но уже неделя, как фирма испарилась, а депутат, что называется, недоступен. Думаю, скоро в банке нам закроют счет, а потом и вовсе закроют.

– О, это все только облегчает положение. Мы предлагали спонсирование. Но гораздо удобнее оформить владение. Нам кажется: пусть ваши депутаты вывозят из страны ваши деньги, если власти не возражают. А наши деньги должны быть там, куда мы их направим. В частности, в этой клинике.

– Да, но как формально...

– О, как формально, я имею представление. У вас много депутатов и чиновников. Так вы не возражаете?

– Я? У меня просто нет слов...

* * *

– Эй, есть кто живой? – Блондин уже минут пять ходил во-

круг высокого забора. Калитка была закрыта на несложный засов. Но на дорожке спокойно сидела кавказская овчарка, она без всякой приязни смотрела на непрошеного гостя и от избытка уверенности в своих силах даже не лаяла. Блондин постучал кулаком по металлической створке, собака соизволила гавкнуть. Тут же появился невысокий усатый человек с ведром.

– Вам чего? – не приветливо крикнул он.

– Мне бы Георгия Сидорова.

– А что надо?

– Нельзя ли войти? Я так понял, это вы и есть.

Мужичок провел Блондина к маленькой беседке со столом и скамейкой. Сам остался стоять.

– Так кто вы такой будете?

Блондин выдержал паузу.

– Я знакомый вашей жены. Покойной. Ирины. Очень хороший знакомый.

* * *

Сергей работал в офисе. Сверял даты и фамилии в документах, которые удалось добыть, составлял список «действующих» лиц. Иногда звонил знакомой телефонистке, которая искала для него адреса и телефоны. Он торопился: надо захватить за Диной, отвезти ее в редакцию, а затем в клинику. Он так увлекся этими фантастическими документами, что

вздрыгнул, когда позвонил телефон.

– Привет, Сережа. Голдовский беспокоит. Слушай, номер вышел. С «Девочкой» твоей. И уже были звонки. Из какой-то фирмы, из рекламного агентства. Спрашивают, как найти эту модель. Мы будем раскрывать инкогнито?

– Пока нет, Виктор. Она такая же модель, как мы с вами – тореадоры. Это маленькая debilка, алкоголичка и злостная хулиганка. Возможно, уже под судом. Любовника матери пыталась живьем сварить.

– Да ты что? Какая прелесть. Обязательно познакомь нас. И продолжай снимать в образе невинного ангелочка. Слушай, а давай на обложку зафигачим? Крупно лицо, как всех этих е...ных звезд даем. И над ней название – «Элита». – Голдовский закудахтал, что означало смех.

– А что? Мысль разумная, прогрессивная. Я попробую что-нибудь интересное сделать. Если ее, конечно, не посадят.

– Посадят, я тебе командировку выпишу.

Сергей попрощался, не дожидаясь конца кудахтанья.

Набрал номер, ответил недовольный, хриплый голос. Вот это она, Муза.

– Это мисс Мороженое?

– Чего? А, шутка юмора. Привет. Че не звонил?

– Я-то как раз звонил. Мне твоя мама поведала душераздирающую историю, до членовредительства ты докатилась.

– Члена – чего? Да не трогала я его член, козла позорного.

Жопу немножко ошпарила. А ты знаешь, что он этой жопой делал?

– Ох, без подробностей, пожалуйста. Меня больше твоя судьба интересует.

– А что моя. Хреновая пока судьба. Бабки он требует. В суд хочет подать. А может, подал уже. Меня могут посадить?

– Боюсь обнадеживать, но не исключено, что общественность встанет на твою защиту. У тебя, мать, знаменательный день. Журнал «Элита» опубликовал сегодня твои фотографии.

– Правда, что ли?

– Абсолютно. Можешь купить в киоске. Мне некогда пока за авторскими экземплярами заезжать. А вот денег тебе немного подброшу.

– Ой, Сереж, меня просто клинит. Не могу поверить. Прямо на обложке?

– Пока на внутренней стороне обложки – в начале и в конце.

– Две фотографии? И как я там?

– Слушай. Я сказал, купи в киоске, мне некогда. Деньги могу передать хоть сейчас. Нет, через час, где ты будешь?

– Я в «Салоне красоты» работаю. Ой, там все обалдеют. Сереж, я от тебя тащусь.

– Ладно. Рад стараться. Говори адрес.

Когда через час Сергей подъехал к салону, Наташка выкатилась с журналом под мышкой и с такими воплями, что

они тут же собрали толпу. Сергей сунул ей пятисотенную бумажку в руку и сел в машину со смутным ощущением беспорядка в душе. Красная Наташка с воспаленными глазами и денежной купюрой меньше всего напоминала собственное изображение в журнале. И больше всего – пьяного с бритвой.

* * *

Жора Сидоров старался не плакать, но это было невозможно – удержать слезы, вызванные нестерпимой болью. Он даже не знал, что так больно бывает. Он вроде бы и не бил, этот подонок. Просто делал легкое движение, и, казалось, все разрывалось внутри.

На террасе скулила и выла запертая овчарка. Помощи ждать было неоткуда.

– Не трогай меня больше. Я же и так тебе все рассказываю.

– Ты и следствию все рассказывал, и на суде. Я просто даю тебе понять, что я – другое дело. Мне нужно правду. Как перед смертью, что не исключено.

– Да что ты хочешь знать?

– За что Ирку убили?

– За наркотики. У нее крыша поехала, она всем подряд стала рассказывать про наши дела.

– Какие дела?

– В гарнизон завозили продукты, обмундирование, оружие, вывозили списанное все... На самом деле и туда, и сю-

да шла контрабанда: оружие на продажу, наркота. Ирка была при грузах с документами, липовыми.

– Главным был Князь?

– Да.

– Он Ирку решил замочить?

– Да. Он сказал, ей все равно недолго осталось.

– Почему Блинова подставили?

– Он стал возникать насчет продуктов. Сказал, солдаты голодают. Грозил пожаловаться.

– Где работает Князь?

– Я не знаю. С ним только Ирка встречалась.

– Где?

– Ой, убей лучше, не могу больше. Он при министре обороны кем-то был. Консультант, что ли... Юрисконсульт.

– Как фамилия?

– Честное слово, не знаю. Из нас никто не знал. Нам ни к чему.

– Кто Ирку убил?

– Князь сказал, специалист. Сказал, она мучиться не будет.

– Сколько ж ты взял, падла, за смерть жены?

– Я взял. А не взял бы, кому бы это помешало? Ты кто?

– Да так. Воспоминание о будущем. Не обращай внимания. Не болей. Я тебя не предупреждаю: сам все понял, да?

Через пару часов вторая жена Георгия Сидорова нашла его в беседке без сознания, со связанными за спиной рука-

ми. На нем не было следов побоев. Но рентген показал разрыв селезенки. Следовательно он сказал, что его избили бандиты, которые, видимо, ошиблись адресом. Опознать их он не сможет.

Блондин вновь позвонил по старому телефону.

– Это телефон юрисконсульта министра обороны? Простите, мы тут ему пакет секретный направляем и забыли фамилию. Что-то вроде Князь.

– Вячеслав Петрович Князев уволился год назад. Пишите Швецову Ивану Николаевичу.

– Какая жалость, мне хотелось лично Князеву. А не знаете, где его найти? Может, адрес?

– Адресов не даем. Закрытая информация.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.